

На правах рукописи

АБДАЛОВА ЮЛИЯ ПАВЛОВНА

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ
НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
(региональный аспект)**

Специальность *22.00.03 – Экономическая социология и демография*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Тюмень - 2005

Работа выполнена на кафедре экономической социологии ГОУ ВПО
«Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор социологических наук, доцент
Ромашкина Гульнара Фатыховна

Официальные оппоненты: доктор экономических наук, профессор
Блинов Андрей Олегович

кандидат социологических наук
Филиппов Вадим Анатольевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

Защита состоится «24» июня 2005 г. в 9 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.05 при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 16, ауд. 113.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «23» мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Л. П. Гербер

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Постсоветская Россия стала ареной широкого развертывания неформальных отношений, эксплояризации экономики и связанных с ней социальных структур. Институционализация неформальной экономики, производства и распределения благ при нарушении официальных правовых норм является одной из серьезнейших проблем современной жизни. Проблема выявления причин возникновения неформальной экономики, ее распространения и укоренения в экономической культуре россиян остается *актуальной*, интерес к ней со стороны ученых и практиков не ослабевает.

Несмотря на то, что в последние годы неформальная экономика стала объектом пристального внимания специалистов, она до сих пор изучена недостаточно. Это связано, в частности, с тем, что до недавнего времени исследовались главным образом экономико-правовые аспекты, а не полный спектр проблем неформальной экономической деятельности. Следует также учитывать, что неформальная экономика имеет национальный характер, который выражается не только в формах проявления и распространенности, но также в глубинных механизмах, процессах, которые и обуславливают причинно-следственные взаимосвязи экономической культуры и неформальной экономики. Поэтому *актуальной* является задача рассмотрения неформальной экономики в контексте экономической культуры страны, основу которой составляет национальная экономическая ментальность как результат кристаллизации в памяти народа многовекового опыта хозяйственной деятельности.

В связи с этим представляется, что влияние норм и правил экономического поведения, ценностных ориентаций граждан на неформальную экономическую деятельность изучено недостаточно. Следует также отметить, что фактически не проводились массовые исследования в различных регионах России по сопоставимым методикам, которые были бы направлены в том числе на построение релевантных данной проблеме систем индикаторов. Заметим, ранее проводились исследования взаимосвязи национальной экономической культуры и теневой экономической деятельности с помощью показателей Г. Хофштеда, однако при этом рассматривался в основном один из всех видов теневой экономической деятельности – коррупция. Поэтому *актуален* подход, предусматривающий изучение нефор-

мальной экономической деятельности в российских регионах в разрезе этнокультурных показателей Г. Хофштеда (дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм–коллективизм, мужественность – женственность, долгосрочная – краткосрочная ориентация).

Как отмечают исследователи И. Клямкин и Л. Тимофеев, в современной России около 40 % граждан выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой хозяйственной деятельности. Автор А. Н. Олейник в своих работах особое внимание обращает на такие ценностные нормы, способствующие развитию неформальной экономики, как доминирование персонифицированных отношений, поддержка выживания «своих» при игнорировании законных требований «чужих». Исследования данных аспектов, несомненно, требуют продолжения и углубления. В связи с вышесказанным актуальной проблемой становится выявление всего комплекса норм и стереотипов, которые обуславливают предрасположенность индивидуумов к одобрению неформальной экономики и участию в ней.

Состояние научных исследований и степень разработанности темы. Изучение влияния экономической культуры на неформальную экономику стало предметом научного исследования лишь в последнее десятилетие. Однако нужно заметить, что концептуальные подходы к данной проблеме были разработаны значительно раньше. Поэтому при написании данной работы использован широкий круг идей, касающихся различных аспектов настоящего исследования.

При изучении и структурировании основных подходов к анализу российской экономической культуры прежде всего был рассмотрен широкий круг философских, экономических и социологических концепций. Российская культура как философская категория представлена в работах Н. А. Бердяева, Г. Гачева, Л. Н. Гумилева, Г. Дигилевского, В. Соловьева, В.В. Ильина, В.О. Ключевского, Э. Кульпина, А.Н. Наумова, Г.Н. Федотова, П.Я. Чаадаева, Н.А. Энгельгардта.

Неформальная экономическая деятельность за рубежом рассмотрена в работах П. Гутмана, Р. Мертона, А. Портеса, Э. де Сото, В. Танзи, Э. Файге, К. Харта. Предпосылки для изучения взаимодействия российской неформальной экономики и национальной экономической ментальности содержатся в работах С. Ю. Барсуковой, Е. С. Балабановой, М. Бурово-

го, Т. И. Заславской, И. Клямкина, Ю. В. Латова, Ю. А. Левады, С. И. Меньшикова, Т. А. Нестика, Р. М. Нуреева, А. Олейника, В. В. Радаева, Р. Рывкиной, Л. Тимофеева, Т. Шанина, Я. Щепаньского, Г. А. Явлинского, Е. Ясина.

Влияние национальной культуры на уровень коррупции изучалось диссертантом на основе теоретических концепций, изложенных в трудах В. Арунтанеса, Р. Инглихарта, Р. Льюса, Р. Мертонна, У. Райзмана, Ф. Тромпенаарса, Э. Холла, Р. Хоуза, Ш. Шварца. Типы социального поведения представлены в работах Дж. Бьюкенена, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ю. Левады, Т. Парсонса, О. И. Шкаратана.

Существенный вклад в исследование ценностей и ценностных ориентаций внесли современные исследователи Л. Г. Бызов, И. Г. Дубов, О. М. Здравомыслов, С. Н. Иконникова, Е. Ш. Курбангалеев, В. Т. Лисовский, В. С. Магун. При решении вопросов, связанных с методологией анализа данных проведенного социологического исследования, диссертант использовал методику, изложенную в работах Г. Хофштеда, Н. И. Лапина, В. А. Ядова.

Необходимо отметить, что тема экономической культуры в неформальной экономике рассматривается в экономической социологии лишь с конца 90-х годов XX века. Вопрос влияния экономической культуры на неформальную экономическую деятельность в региональном аспекте до сих пор не стал предметом непосредственного социологического исследования. Это обстоятельство наряду с актуальностью постановки проблемы и поиска методов ее решения стало основным при выборе темы диссертационного исследования.

Проблемой исследования является выявление и количественное измерение взаимосвязи между различными формами и частотой неформальной экономической деятельности индивидуумов, с одной стороны, и культурными предпосылками развития неформальной экономики, с другой.

Привлекаемые к анкетированию респонденты исследовались на предмет (1) наличия у них опыта личного участия в неформальной экономике и их отношения к ней; (2) степени выраженности у респондентов общих культурных характеристик, выделенных согласно подходу Г. Хофштеда, и специфических культурных характеристик, непосредственно влияющих на склонность к личному участию, одобрению экономической деятельности;

(3) ценностных ориентаций, связанных с участием в неформальной экономике.

Целью настоящего исследования является выявление влияния стереотипов и ценностей российской культуры на неформальную экономику. Исходя из поставленной цели, определены следующие **задачи**.

1. Провести анализ теоретико-методологических оснований изучения экономической культуры в системе неформальной экономики.
2. Конкретизировать и адаптировать к целям исследования социолого-теоретический инструментарий анализа экономической культуры как детерминации неформальной экономики.
3. Выявить социальный механизм развития неформальной экономики в современной России.
4. Сформировать основные характеристики культуры сетевого взаимодействия в неформальной экономике.

Объект исследования – неформальная экономика.

Предметом исследования является выявление места и роли экономической культуры в системе неформальной экономики в региональном аспекте.

Гипотезы. В рамках настоящего диссертационного исследования осуществлялась проверка и/или опровержение следующих гипотез.

1. Экономическая культура отражает степень предрасположенности среды для развития неформальной экономической деятельности в российских регионах.
2. Показатели Хофштеда в Тюмени будут близки к данным, ранее полученным в других российских регионах. При межстрановом сравнении по хофштедовым показателям Тюмень займет позицию между странами Запада и Востока, ближе к странам Востока.

Теоретико-методической основой исследования послужили следующие методы научного познания: системный, сравнительный, исторический анализ. В части рассмотрения неформальной экономической деятельности с позиции национальной культуры настоящее исследование основано на классических трудах М. Вебера, Р. Мертона, Г. Хофштеда, экономистов институциональных направлений экономической теории и представителей теории социального выбора, а также представителей неовеберианской школы и новой экономической социологии.

Эмпирическую основу исследования сформировали результаты социологического опроса, проведенного автором как самостоятельно, так и в составе исследовательской группы. Исследование проводилось в течение 2004 года в городе Тюмени и Тюменской области. Объем выборки – 2410 человек, ошибка выборки по одному признаку – 1,5%. В ходе работы были привлечены данные социологических опросов, проведенных в этот же период в Туле и Ставрополе, с объёмом выборки соответственно 572 и 597 человек. Применялся также вторичный анализ статистических материалов, широко представленных в открытой печати либо предоставленных автору на условиях взаимного обмена.

Этапы исследования. На *первом этапе* проведены интервью с экспертами по теневой экономике и вторичный анализ данных, на основе которых была разработана программа исследования и инструментарий в рамках трёхстороннего договора – ТюмГУ – ИС РАН – ГУ-ВШЭ (руководители: В. А. Давыденко, Е. И. Степанов, Ю. В. Латов). На *втором этапе* проведены пилотажное исследование (Москва - Тюмень) и основной анкетный опрос в регионах (Тюмень, Тула, Ставрополь). *Третий этап* включил в себя анализ и представление полученных результатов исследования.

Основные научные результаты и научная новизна диссертационного исследования.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые рассмотрены социокультурные детерминанты поведения жителей Тюменского региона в неформальной экономике как с использованием этнометрической методики Г. Хофштеда, так и по оригинальной методике.

Автор сформулировал ряд **научных результатов** диссертационного исследования, которые определяют его научную новизну:

1. Проанализированы теоретико-методологические основания изучения экономической культуры в качестве детерминации неформальной экономики. Выявлено, что неформальную экономику можно рассматривать как самоорганизующуюся систему с обратной связью, при этом обратную связь обеспечивает культурная компонента.

2. Сформирован оригинальный социолого-теоретический инструментарий изучения национальной культуры в системе неформальной экономики, основанный на синтезе этнометрической методики Г. Хофштеда, ме-

тодики анализа ценностных ориентаций Н. Лапина и эконометрических методах.

3. На теоретическом и аналитическом уровнях проверено и подтверждено на примере трех регионов положение о том, что социальный механизм развития неформальной экономики современной России в основном развивается в русле взаимоотношений между гражданами и властью, что обусловлено культурными стереотипами и ценностями россиян. Данные стереотипы и ценности имеют ярко выраженную региональную специфику и слабую временную динамику, эмпирические культурные показатели в значительной степени коррелируют с эконометрическими индикаторами неформальной экономики.

4. Разработана сетевая методика анализа влияния культурных стереотипов на личное участие индивидуума в неформальной экономической деятельности, проведено сравнение трех регионов России на сетевых моделях. Выявлены личностные качества и ценностные ориентации индивидуума, способствующие его участию в неформальной экономике, рассмотрена культура сетевого взаимодействия в неформальной экономике.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в работе выявлены ценностные ориентации, уровень межличностного доверия и групповой солидарности как социокультурные детерминанты в системе неформальной экономики; определены экономико-поведенческие модели индивидуумов в неформальной экономике различных регионов.

Положения, выносимые на защиту

1. В России в 90-х годах XX века на теневую экономику приходилась приблизительно треть внутреннего валового продукта (ВВП). В 2001 году доля теневой экономики сократилась до 30%. Существенную роль в распространении неформальных отношений в экономике сыграл характер государственного регулирования и вмешательства в экономику. Важную роль играет также миграция населения во всех ее видах. По данным Госкомстата, не менее четверти доходов население России получает в скрытой форме. По оценкам МВД, на долю неформальной экономики в 2003 году приходилось около 50% ВВП, а по мнению некоторых специалистов, теневой капитал составил 65%. Наиболее распространенной формой теневой деятельности по праву считается уход от налогов, причем как со стороны

предприятий, так и со стороны населения. По оценкам Рабочего центра экономических реформ при Правительстве Российской Федерации, в конце 90-х годов XX века лишь 1,5% российских предприятий своевременно уплачивали все налоги, около 2/3 предприятий скрывали часть своих доходов и около 1/3 – полностью уклонялись от их уплаты.

Исследование подтвердило, что в настоящее время россияне широко вовлечены в неформальную экономическую деятельность, причем доля тех, кто подтверждает свое непосредственное в ней участие, значительно ниже доли тех, кто ее одобряет. Распространение неформальной экономики обратно коррелирует с валовым региональным продуктом (ВРП), а в социальном аспекте неформальная экономическая деятельность определяется экономической культурой и в свою очередь влияет на ее динамику. Рассмотрение неформальной экономики как системы подразумевает, как и требует системный анализ, не только изучение какого-либо объекта (явления, процесса), но главным образом исследование связанной с ним проблемной ситуации. Институты являются промежуточным звеном между ценностными ориентациями, с одной стороны, и мотивами и возможностями, с другой. Поскольку институты предполагают наличие ролей и норм, которые формируют группы и связывают индивидов, они находятся в функциональных отношениях и могут быть отделены как система (контролируемая ценностями) от внешних условий среды. Власть, общественное мнение и деньги могут рассматриваться в качестве регуляторов в рамках института неформальной экономики и между ними в соответствии с тем, как это предписывают контролирующие их ценности, выполняющие роль обратной связи в системе.

2. Подобную рамку соотнесения и обеспечивает анализ институтов в экономической социологии. В этом смысле социологический анализ системы неформальной экономики подразумевает рассмотрение экономической культуры, а именно того, каким образом традиционные смыслы или культурные ценности институционализируются и поэтому имеют нормативное значение для действий в новых экономических условиях. Представляется неправильным рассматривать неформальную экономику только как дисфункцию – это подтверждают эмпирические данные. Заметим, в противном случае система при отсутствии возмущений стремилась бы к функциональному равновесию, однако этого не происходит.

Неформальная экономика присутствует в развитых странах не в меньшей степени, чем в неразвитых, различаются лишь формы проявления, действия, сферы влияния и векторы развития. Межрегиональные сравнения также показали, что ВРП на душу населения связан с неформальной экономикой, но не линейно. Данная связь выражается в изменении экономической ментальности и проявлениях неформальности. Так, самый богатый из рассмотренных – тюменский регион отнюдь не стал наименее «неформальным» по соответствующим индикаторам. Различия заключаются в том, что ментальность жителей Тюмени имеет более «рыночный» характер, более «рыночными» становятся и проявления неформальной экономики.

3. Доказано, что одной из основных предпосылок одобрения и участия индивидуумов в неформальной экономике является национальная культура. Проведенное по модифицированной методике Г. Хофштеда исследование показало, что в наибольшей степени коррелирует с показателем «избегание неопределенности» индикатор неформальной экономической деятельности «осуждение – одобрение по поводу», т.е. отношение к неформальной деятельности связано со степенью, с которой респонденты оказывают предпочтение структурированным ситуациям в противоположность неструктурированным. Представления о распространении такого явления как неформальная экономика оказалось не связанным с национальной культурой, о чем свидетельствует внешний характер таких представлений по отношению к личности. Исследование показало, что неформальные экономические действия граждан развиваются в основном во взаимоотношениях с государством. Индивидуумы по-прежнему осознают себя «винтиками в системе» и продолжают полагаться на государство, что, как ни парадоксально, становится основным ресурсом неформальности. Помимо того что в этой ситуации люди традиционно не верят в справедливость законов и ощущают большую дистанция власти, они не осознают себя самостоятельными акторами и поэтому не понимают, какой ущерб лично себе наносят, когда пренебрегают формальными экономическими нормами и правилами и рассматривают государство как традиционно сильнейшего экономического агента в России. Отметим, что в Тюмени дистанция власти имеет наименьшее значение по сравнению с другими регионами, а в Ставрополе, напротив, наибольшее.

На основании приведенных данных можно заключить, что в результате реформ происходит изменение ментальности жителей более развитых в экономическом плане регионов в сторону западного способа восприятия власти. Это напрямую отражается в том, что проявления неформальности в Ставрополе носят ярко выраженные черты клановой культуры (высокая степень групповой солидарности, межличностного доверия и наибольшая частота проявлений активного нарушения правовых и экономических норм и правил; по нашей методике – графовая модель имеет наибольшее число значимо связанных ребер и вершин), тогда как в отношении Тюмени можно говорить о том, что проявления неформальности связаны в первую очередь с традиционной для Сибири самостоятельностью, обособленностью, пренебрежением к «мелочам» (например, к оформлению договора при межличностном обмене ценностями), более низкой степенью избегания неопределенности, более низкой дистанцией к власти.

4. Сетевые модели влияния стереотипов и ценностей на неформальную экономическую деятельность в городах Тюмени, Туле, Ставрополе были построены на корреляционных зависимостях между этими показателями. При этом вершинами являются стереотипы, ценности и индексы неформальной экономики, ребрами отображена связь между этими показателями. Далее в ходе исследования было проведено сравнение данных регионов по распространенности неформальных отношений в экономической культуре. Выяснилось, что с ростом влияния неформальной экономики повышается значимость власти, вольности и понижается значимость инициативности и самопожертвования. Значимость нравственности снижается для тех, кто часто активно участвует в неформальной экономике. Иными словами, в отношениях между неформальной экономикой и ценностными ориентациями действует механизм обратной связи. Исследование также показало, что развитие неформальной экономики тесным образом связано с качествами индивидуума.

Практическая значимость исследования состоит в разработке новых эмпирических методик исследования экономической культуры; возможности использования релевантных проблеме результатов в реальной практике; выявлении необходимости формирования личностной мотивации при формализации взаимоотношений между гражданами и властью; нахождении новых возможностей для повышения уровня экономического

правосознания и экономической культуры населения. Выявленные закономерности могут быть использованы при разработке стратегии и тактики региональных и муниципальных программ формирования и развития экономической культуры населения, а также в учебных программах по курсам «Экономическая культура», «Духовные основы экономической жизни общества», «Экономическая социология», «Социальная информатика».

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на научных семинарах кафедр социологии и социального управления, экономической социологии ТюмГУ, на Всероссийском научном семинаре «Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права» (г. Тюмень, ТюмГНГУ, 2003 г.), на региональной межвузовской научно-методической конференции «Роль информационных технологий в обучении: проблемы, перспективы, решения» (г. Тюмень, ТюмГНГУ, 2003г.), на Всероссийской научной конференции «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук» (г. Самара, СамГУ, 2004 г.), на ежегодной научно-практической конференции аспирантов и соискателей Международного института финансов, управления и бизнеса (г. Тюмень, ТюмГУ, 2004 г.) и на всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-экономических трансформаций России: теория и практика» (г. Тюмень, ТюмГУ, 2005 г.).

Теоретические положения и выводы настоящей диссертационной работы апробированы также в научных публикациях по теме исследования, в том числе в коллективной монографии по неформальной экономике.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, библиографического списка использованной литературы и приложений. Работа содержит также рисунки и таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются проблема, цель, объект, предмет и задачи исследования, дается его характеристика с точки зрения новизны, указаны методологические и теоретические основы, определено теоретическое и практическое значение, приведены сведения по апробации.

Первая глава «**Теоретико-методологические основания изучения экономической культуры в системе неформальной экономики**» посвя-

щена проблемно-методологическому анализу неформальной экономической деятельности россиян с точки зрения социокультурного аспекта.

Автор определяет специфику неформальной экономики в мировом и российском масштабах. Приводятся различные точки зрения на исследуемую проблему. Так, Г. А. Явлинский отмечает, что неформальные отношения в России сложились как стихийная реакция на разрушение хозяйственного механизма, действовавшего в 80-е годы XX века, сопровождавшееся принятием совершенно неадекватной правовой базы, которая не признавалась и отвергалась подавляющей частью экономических субъектов. В рамках неформальной экономики производилась преобладающая часть валового национального продукта (ВНП). Согласно С. М. Меншикову скрытая часть условно чистой продукции экономики, т.е. ВВП должна быть тождественно равна скрытым доходам. Скрытые доходы представлены в официальной статистике только двумя компонентами – «скрытой оплатой труда» и «смешанным доходом» населения. Однако к ним необходимо добавить четыре дополнительных показателя: неучтенные доходы крупных предпринимателей; не показанная прибыль за счет завышения текущих материальных издержек; занижение стоимости экспорта; ложный импорт. Полученные результаты будут намного меньше, чем предельные оценки, включающие также доходы от организованной преступности, но значительно больше, чем учитывается Госкомстатом.

В науке сложились три основных подхода к изучению неформальной экономики: неоинституциональный, социально-структурный, социально-культурный. В настоящей работе неформальность рассматривается как культурная традиция, содержащая специфический набор легитимаций, собственные способы определения реальности, обыденную философию. Необходимо отметить, что культура неформальных хозяйственных отношений влияет на процессы социализации личности, на консервацию определенных практик и специфику социальных представлений, заставляющих воспринимать неформальность как социально легитимную форму выживания и самообеспечения индивидуума и семьи. Наиболее изученный аспект неформальных экономических отношений – это коррупция. Изучение влияния национальной культуры на уровень коррупции основано на социокультурных характеристиках, которые были описаны в трудах Г. Хофштеда, Э. Холла, Ф. Тромпенаарса, Ш. Шварца, Р. Льюса, а также в мате-

риалах международных проектов WVS (под руководством Р. Инглихарта) и GLOBE (под руководством Р. Хоуза).

Принципиально иной смысловой поворот теме неформальной экономики придали ученые, трактующие неформальность не как тип хозяйствования, локализованный по определенному принципу, а как характер экономических отношений, не ограниченный неким ареалом и принципиально возможный и необходимый в любой институциональной среде. В этом плане особое значение имеют работы М. Грановеттера, посвященные социальным сетям. В этом же ряду стоят исследования социального капитала и доверия как ресурсного потенциала многообразных социальных процессов, поскольку в качестве основной движущей силы неформальной экономики рассматриваются родственные отношения, реципрокность и доверие как ресурс социальных сетей.

При таком понимании неформальная экономика не сводится к экономике неформального сектора и представляет собой более сложное и разветвленное понятие, включающее в себя и особый тип хозяйствования, и специфический характер социальных отношений, и скрытый механизм корректировки формальных норм. Далее исследуются различные подходы к изучению влияния экономической культуры на неформальную экономику.

В модели Г. Хофштеда статистический анализ ответов на вопросы о ценностных ориентациях людей в разных странах ведется вокруг одних и тех же проблем, но с различными «национальными» решениями в следующих областях: социальное неравенство, включая отношения с властью (дистанция власти) (PDI – Power Distance); то, как люди справляются с неопределенностью или относятся к контролю агрессии и выражению эмоций (избегание неопределенности) (UAI – Uncertainty Avoidance); отношения между индивидом и группой (индивидуализм) (IDV – Individualism); концепция мужественности и женственности в поведении (мужественность) (MAS – Masculinity); восточное и западное представление о развитии семьи и общества (долгосрочная ориентация или конфуцианский динамизм) (CDI – Confucian dynamism).

Следующий шаг в понимании причин неформальной экономики состоит в изучении связи между ней и экономической культурой на основе концепции экономической культуры Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной.

Неформальная экономика рассматривается как совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития.

Проведенный в настоящей работе анализ позволяет сделать заключение о том, что ментальность людей существенно связана с неформальной экономической деятельностью и имеет сильную региональную специфику. Происходящие в российском обществе социальные, экономические и политические трансформации подвергают изменениям и формальное поведение людей, и существующую экономическую культуру. При этом направленность изменений зависит от преобладания методов выработки реакции на факторы воздействия с учетом их сложности и динамизма.

Во второй главе **«Влияние экономической культуры на неформальную экономику»** автор на эмпирическом уровне показывает характер и формы влияния экономической культуры на неформальную экономику.

Анализируя социально-экономическое положение Тюменской, Тульской областей и Ставропольского края в 2002 году, отметим, что лучшие социально-экономические показатели имеет Тюменская область. Второе место занимает Ставропольский край, третье – Тульская область. При определении масштабов неформальной экономики в регионах используется метод разности доходной и расходной оценок ВРП, т.е. неформальная экономика будет масштабнее там, где среднедушевые денежные расходы населения превосходят их доходы.

По данным Госкомстата России за 2002 год, в Ставропольском крае среднедушевые денежные расходы населения превосходят среднедушевые денежные доходы на 17%. В Тульской области доходы превышают расходы на 16%, в Тюменской – на 30% (см. табл. 1). Следовательно, можно утверждать, что в Ставропольском крае неформальная экономика более распространена, чем в Тюменской и Тульской областях. Однако нельзя отрицать существование неформальной экономики в Тюмени и Туле, поскольку нулевое расхождение или даже превышение доходной над расходной оценкой вполне совместимо с высоким уровнем неформальной экономики. Экономическим фактором существования неформальной экономики обычно считается низкая покупательская способность населения. Так, оказалось, что у жителей Тульской области и Ставропольского края более низкая покупательская способность и высокая степень неразрешенности соци-

альных проблем, что в меньшей степени это характерно для населения Тюменской области.

Таблица 1

Показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2002 году

Исследуемый регион	Среднедушевые денежные доходы - (в месяц) в руб.	Среднедушевые денежные расходы (в месяц) в руб. (% превышения дохода над расходом)	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, рублей	Валовой региональный продукт на душу населения в рублях
Тюменская область	8430	5899 (30%)	12286,2	294069
Тульская область	2561	2160 (16%)	3269,8	40334
Ставропольский край	2302	2688 (-17%)	2961,8	32053

Источники: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003; Россия в цифрах. 2003: Крат. ст. сб./Госкомстат России. М., 2003.

В обзорах и докладах, приведенных и подробно проанализированных в данной диссертационной работе, утверждается, что бедные слои населения вынуждены заниматься теневой и неформальной деятельностью с целью получения дополнительного дохода. Однако это положение не согласуется с результатами нашего исследования о том, что доход и социальное положение прямо коррелируют с активным участием в неформальной экономике и обратно коррелируют с пассивным участием, а также о том, что неформальная занятость прямо коррелирует с уровнем образования и социальным положением. Таким образом, отдельно взятые экономические факторы не в состоянии объяснить феномен расширения социальной базы неформальности в экономике.

Итак, первоначальные гипотезы исследования подтверждаются на макроуровне и не подтверждаются на микроуровне, что само по себе является противоречивым результатом.

Автор анализирует экономическую культуру в системе неформальной экономики на основе модифицированной методики Г. Хофштеда. Для сравнения использованы репрезентативные выборки по Тюмени, Туле и Ставрополю.

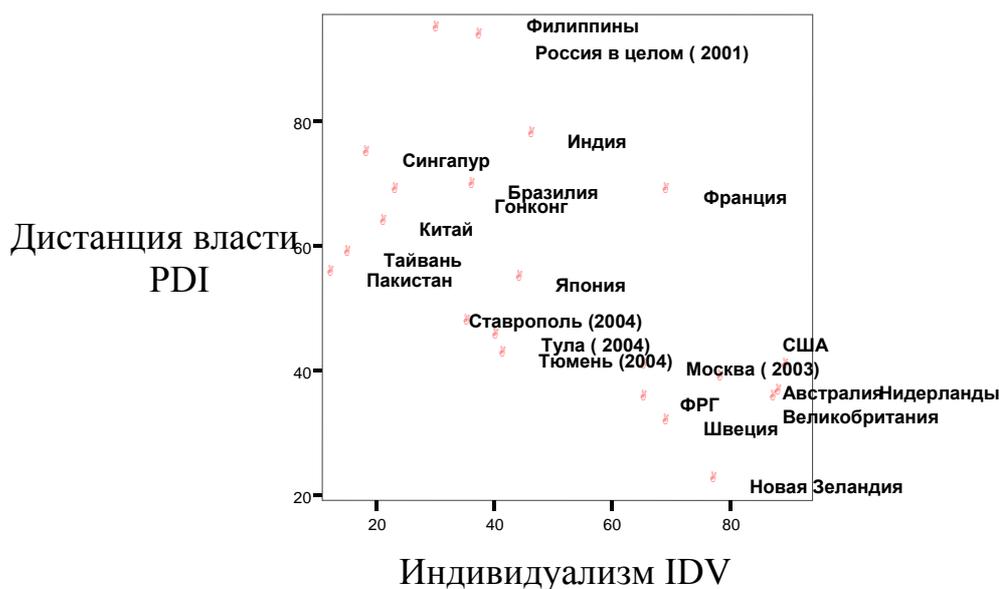

Рис. 1. Расположение стран в проекции Хофштеда (PDI-IDV)

Показатели национальной культуры оказались достаточно близкими по значению для всех трех регионов, что говорит об относительной целостности ментального пространства России. В то же время заметна некоторая дифференциация. Так, Тюмень отличается более высоким уровнем «индивидуализма» и меньшей «дистанцией власти». Это позволяет сделать вывод о том, что для жителей Тюмени характерна более низкая потребность в зависимости. Они стараются избегать неравенства и признают иерархию власти только в тех случаях, когда это им выгодно.

Неравенства признаются нормой жителями Ставрополя в большей степени, чем жителями Тюмени и Тулы. Результаты исследования позволяют заключить, что жители Тулы и Тюмени подобным образом справляются с неопределенностью и предпочитают действовать как индивиды, находясь в условиях свободных социальных связей. Они относительно легко идут на риск и живут, принимая ситуацию такой, какая она есть, что в меньшей степени характерно для жителей Ставрополя, так как они имеют более высокую степень выраженности этого показателя. Гражданами Ставрополя работа до изнеможения не приветствуется в большей степени, чем жителями Тюмени и Тулы. Следовательно, существует база для развития неформальной экономики. При этом, заметим, не произошло значимых сдвигов в экономической ментальности россиян, позволяющих сделать вывод о том, что граждане начинают мыслить и действовать по западной или восточной модели культуры.

Для выделения в неформальной экономике комплекса норм и стереотипов, создающих предрасположенность людей к участию или одобрению неформальной экономической деятельности, автором были построены индексы, показывающие частоту участия граждан, обоснование гражданами действий, их ожидания и отношение к различным аспектам неформальных отношений. Итак, мы получили индексы: нарушения прав покупателей (обсчет, искажение информации о качестве предлагаемых услуг и товаров); нарушения прав работодателей (присвоение ресурсов); коррупция; нарушения прав производителей (торговое пиратство, обман покупателями продавцов); нарушения законов и норм в отношениях с государством (неуплата за предоставляемые государством услуги; уклонение от подоходного налога путем получения части зарплаты «черным налом»); нарушения законов и норм в отношениях между агентами рынка – неформального предоставления услуг (обмен услугами без формального договора; обмен товарами без формального договора; обмен услугами без выплаты налогов); неформальная занятость (наемный труд без трудового соглашения, протекция и кумовство при найме).

В настоящей работе подтверждается гипотеза о том, что имеется значимая связь между индексами национальной культуры (индивидуализмом и дистанцией власти) и неформальной экономики. Более сильной оказалась обратная корреляция индекса Г. Хофштеда «избегание неопределенности» (UAI) с индексами неформальной деятельности в модели «Осуждение – одобрение по поводу». Таким образом, отношение к неформальной деятельности связано со степенью, с которой респонденты оказывают предпочтение структурированным ситуациям в противоположность неструктурированным. Структурированными являются ситуации с ясными и четкими правилами насчет того, как следует себя вести. Эти правила могут быть формализованы, а могут поддерживаться традициями. Индекс избегания неопределенности находится в слабой обратной максимально значимой зависимости с индексами отношения к нарушениям прав производителей (-0,17), государства (-0,174), работодателей (-0,15) и неформальной занятости (-0,14), уровень значимости выше 99,9%.

Результаты исследования позволяют автору предположить, что чем ниже уровень тревоги у населения; меньше связанных с работой стрессов; меньше эмоциональное сопротивление переменам; допускается возмож-

ность нарушения правил из прагматических соображений; высока готовность к достижению компромиссов с оппонентами – тем выше уровень оправдания нарушения прав, законов и формальных норм и тем чаще эти нормы нарушаются. Однако эти выводы не относятся к нарушениям в сфере отношений между агентами рынка, т. к. здесь корреляция не обнаружена.

Меньше всего с показателями культуры по Г. Хофштеду связаны показатели ожидания проявлений неформальных отношений. Как и можно было предположить, ожидания граждан определяются в большей степени внешними факторами: политикой, экономикой, пропагандой и навязываются извне. Согласно результатам данного исследования ожидания граждан в проявлениях неформальных отношений в экономике всегда превышают частоты личного участия и оправдания такой деятельности. Исследование автора, касающееся влияния ценностных ориентаций на экономическое поведение, выявило, что в Ставрополе преобладает осуждение рыночного способа действий. В Тюмени, наоборот, превалирует одобрение и поддержка бизнес-деятельности. В целях выявления социального механизма развития неформальной экономики были выделены социальные группы по их участию в неформальных отношениях: активное участие (сам обманывает), пассивное участие (кого обманывают), экономические действия, а также рассмотрено влияние ценностных ориентаций на эти группы. Оказалось, что чем чаще человек принимает участие в неформальной экономике, тем в большей степени его оценки условий успеха в бизнесе сдвигаются в сторону осуждения. В табл. 2 приведены ответы на вопрос о предпосылках успеха в бизнесе по формам неформальной деятельности.

Таблица 2

Оценки доли ответов на вопрос о предпосылках успеха в бизнесе по формам неформальной деятельности (% опрошенных), Тюмень

Для того, чтобы достигнуть успеха в бизнесе нужно:	активное		экономические действия	
	редко	часто	редко	часто
обладать честностью, порядочностью	57	43	37	63
нарушать нормы права	41	59	40	60
нарушать нормы морали	42	58	39	61
иметь определенное социальное происхождение	40	60	39	61

Кроме этого неформальная экономика накладывает отпечаток на восприятие населением экономических действий вообще и рыночного способа хозяйствования в частности. Вследствие нарастания неформальных отношений люди чаще отрицательно относятся к тем, кто разбогател. Дальнейший анализ основан на дополнении методики Г. Хофштеда методикой Н. Лапина, при этом используется разбиение ценностей на «ядро», «периферию» и «хвост», однако разбиение проводится отдельно для выделенных ранее социальных групп неформальной экономики. Автором выявлено, что в тех случаях, когда жители Тюмени часто становятся «жертвой» неформальной экономики, ценность работы резко падает. Активные формы участия в неформальной экономике такой динамики не показывают. Различия между подгруппами по всем индикаторам неформальной экономики становятся более заметны при понижении значимости ценности. То, как часто человек сталкивается с проявлениями неформальной экономики, влияет на его восприятие только тех ценностей, которые относятся к конфликтогенной периферии. При этом с ростом влияния неформальной экономики повышается значимость нравственности, власти, вольности и понижается значимость инициативности и самопожертвования. Значимость нравственности снижается для тех, кто часто активно участвует в неформальной экономике. Таким образом, между неформальной экономикой и ценностными ориентациями действует механизм обратной связи. С одной стороны, активные действия в экономике разлагающе сказываются на структуре ценностей, с другой стороны, понижение значимости нравственных общечеловеческих ценностей вызывает новый виток роста неформальной активности.

За последние десять лет существенно выросла доля качеств, способствующих развитию рыночных отношений – с 35% до 46%. Доля качеств, препятствующих развитию рыночных отношений, осталась практически без изменений. Качества, повышающие доверие и солидарность в обществе, понизились в своем статусе с 49% до 41%.

В ходе распространения неформальной экономики повышается значимость качеств, препятствующих развитию рыночной экономики. При расширении неформальности в экономических действиях повышается значимость религиозности. Кроме того оказалось, что качества, способствующие развитию рыночных отношений – энергичность и свободолюбие – влияют также

на активное участие в неформальной экономике и неформальные экономические действия .

В российском социуме достаточно широко влияние ценности доверия, и особенно значимо доверие как ресурс неформальной экономики. Для того чтобы сравнить уровень доверия респондентов в трех регионах, предлагалось ответить на вопрос «Доверяете ли вы?». Во всех трех регионах уровень институционального доверия ниже среднего. При этом уровень межличностного доверия существенно выше среднего по отношению к друзьям и родственникам и ниже среднего по отношению к соседям и коллегам по работе. Суммарные показатели позволяют заключить, что в Тюмени и Туле социум и легальная власть существуют автономно. В Ставрополе механизмы социального регулирования по-прежнему действуют, однако может возникнуть угроза целостности общества, еще больше ослабнет уровень межличностного доверия при сохранении столь же низкого институционального доверия.

Влияние межличностного, институционального, практического доверия и честности на неформальную экономику в трех регионах России отражается корреляцией индексов межличностного, институционального доверия, доверия в практической деятельности, честности и индексов неформальной деятельности. Джон Ван Гиг утверждал, что экономика является кибернетической системой, т. е. системой с обратными связями. Т. Парсонс рассматривал социальные системы как функционалистский контекст институтов. В них культурные ценности, которые проникают в систему извне, формируют социальное действие. Легитимность ролей и правил, определяемых на основе культурной традиции, обеспечивается их интеграцией с побуждением и личностными особенностями, имплицитно входящими в систему. Цикл обратной связи формируется условием равновесия в системе на основе контролирующих данную систему ценностей.

Интеграция культурных традиций и индикаторов неформальной экономики отражается в виде взвешенного графа, который позволяет выделить сильные вершины и оценить направленность, иерархию и взаимосвязь ресурсов культурных индексов с индексами неформальной экономики на рис. 2, 3, 4. Вершинами графа взяты индексы честности/доверия и индексы неформальной экономики, ребрами отражены значимо связанные индексы доверия/честности и неформальной деятельности, веса на ребрах

отображают коэффициенты корреляции. Граф оказался двудольным, поскольку сами коэффициенты слабо коррелируют между собой.

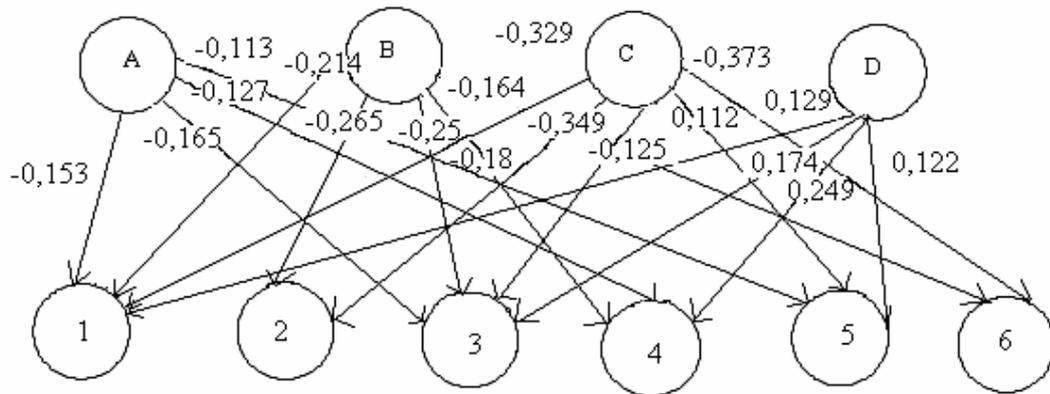

Рис. 2. Индикаторы доверия/честности и показатели неформальной деятельности, Ставрополь. Коэффициент концентрации на графе 1,8.

На графах: А – межличностное доверие; В – институциональное доверие; С – доверие к практической деятельности; D – честность; 1 – частота нарушение прав покупателя; 2 – частота нарушение прав работодателей; 3 – частота нарушение прав производителей; 4 – частота нарушения законов и норм в отношениях с государством; 5 – неформальная занятости; 6 – нарушения законов и норм в отношениях между агентами рынка - неформального предоставления услуг.

Для Ставрополя сильны вершины «институциональное доверие» и «доверие к практической деятельности». Это означает, что чем меньше у людей доверия к институтам власти, тем выше неформальная экономическая деятельность. Кроме того – чем больше люди не верят в честность продавцов, работодателей, тем чаще они участвуют в неформальной экономике (рис. 2).

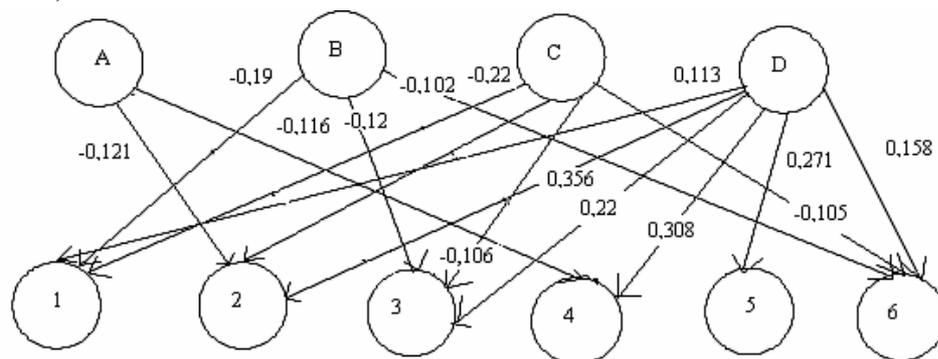

Рис. 3. Индикаторы доверия/честности и показатели неформальной деятельности, Тюмень. Коэффициент концентрации 1,5.

Сильной вершиной графа для Тюмени является «честность», самая сильная связь (0,356) достигается между нарушением прав работодателей и

ценностью честности, чуть менее сильна связь (0,308) между ценностью честности и нарушением прав государства (рис. 3).

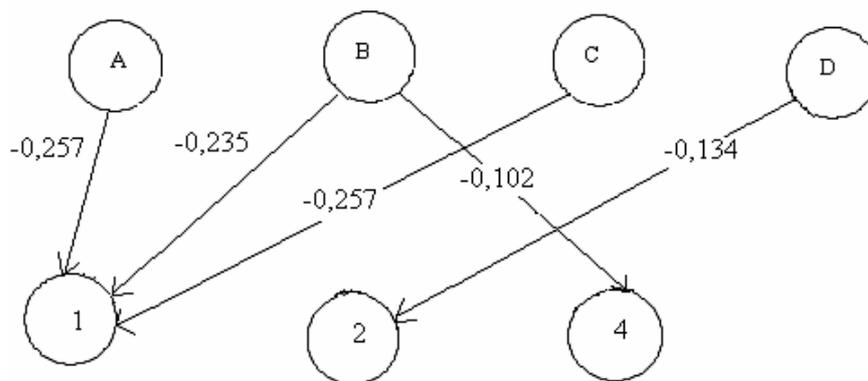

Рис. 4. Индикаторы доверия/честности и показатели неформальной деятельности, Тула. Коэффициент концентрации 0,7.

Для тульской модели характерна меньшая связь между индикаторами доверия/честности и неформальной экономикой (рис. 4); сильна вершина «институциональное доверие», что подтверждает автономность существования социума и легальной власти. Увеличение пропасти между ними выводит экономическую деятельность акторов в поле неформальности.

Стремление к обогащению любой ценой имеет сильные региональные особенности. Так, в Ставрополе скорее одобряется уклонение от выплаты налогов с целью заработать больше, при этом в Туле это скорее осуждается. В Тюмени оправданным считается завышение цены для покупателя, для других регионов это неоправданно. Характерной чертой российской культуры также является низкий авторитет закона, представителей государства и власти у населения. Сегодня существует определенная конфронтация между государством и населением России, которая имеет сильные региональные особенности. Наибольшее значение коэффициента концентрации графовой модели имеет в Ставрополе (1,8) – регионе, который по всем показателям имеет наибольшую степень распространения культуры в неформальной экономике. Наименьшее значение – 0,7 коэффициента концентрации – отражает тот факт, что в Туле неформальная экономика имеет не культурные, а исключительно экономические корни.

Заключение. Сказанное выше подтверждает гипотезу о том, что национальная ментальность оказывает влияние на распространение неформальной экономики, что, в свою очередь, трансформирует экономическую культуру общества.

Ошибочно полагать, что миллионы россиян вовлечены в неформальную экономику исключительно в силу материальной обусловленности этого выбора. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо участвуют в неформальной экономике, либо не участвуют в ней. Основные экономические показатели отражают наличие неформальной экономики во всех рассмотренных регионах. Распространение неформальности определяется экономической культурой, создающей благоприятную среду для развития неформальной экономики. На эмпирическом уровне подтвердился тот факт, что доминирующим побудительным внешним фактором распространения неформальной экономики в России является взаимоотношения между личностью и государством.

Внутренние факторы имеют региональную специфику. Так, если в Туле неформальная экономика оказалась связанной исключительно с экономическими факторами – низкой покупательной способностью населения, то в Ставрополе и в Тюмени – с культурными. При этом необходимо отметить, что характер неформальности в Тюмени и Ставрополе принципиально различен. Существует значимая связь между российской культурой и неформальной деятельностью по показателям «честность/доверие», по отношению к окружающим, «уважением к нормам (формального) права», «стремление к обогащению» и «превалированием личностных отношений над служебными/гражданскими», и она гораздо сильнее, чем у индексов Г. Хофштеда. Наиболее значимая связь наблюдается между показателем «стремление к обогащению любой ценой» индекса «культивирования обогащения». В целом все четыре индикатора значимы для респондентов городов Тюмени, Тулы и Ставрополя, но внутри них происходит смена значимости в зависимости от места жительства, наблюдаются также различия в иерархии ценностных ориентаций по отношению к неформальной экономике. Следовательно, в каждом обществе существует культурная специфика, которую необходимо учитывать при принятии управленческих решений как на региональном, так и национальном уровне.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

1. Абдалова Ю.П. Социальные аспекты неформальной экономики в регионе //Материалы Всероссийской научной конференции «XXI век: новые

горизонты гуманитарных наук». Самара: Универс-групп, 2004. Т 1. С. 164-168.

2. Абдалова Ю.П., Ромашкина Г.Ф. Этнометрические методы в неформальной экономике // Математические методы и модели в экономике и управлении. Выпуск 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. С. 44-50.
3. Абдалова Ю.П., Мездрин Н.В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Тарасова А.Н. Неформальная экономика в культурологическом аспекте // Глава в коллективной монографии: Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура. Тюмень: Вектор Бук, 2005. С.156-197.
4. Абдалова Ю.П. Ценностные ориентации россиян в контексте неформальной экономики // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы социально-экономических трансформаций России» Ч. 2. Тюмень: Вектор Бук, 2005. С. 47-49.
5. Абдалова Ю.П. Социальные аспекты неформальной экономики // Социально-экономические проблемы трансформационной экономики. Выпуск 2. Тюмень: Вектор Бук, 2005. С. 201-204.

Подписано к печати
Заказ №
Формат 60x84 1/16
Отпечатано на RISO GR 3750

Бум. писчая № 1
Уч. – изд. л. 1,6
Усл. печ. л. 1,6
Тираж 100 экз.

Издательство «Нефтегазовый университет»
государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38
Отдел оперативной полиграфии издательства «Нефтегазовый университет»
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52